

0.06

0.19

0.29

0.40

0.55

0.71

0.90

1.10

1.30

1.51

1.73

1.94

Ж

П

Г

Ж+П

Ж+Г

П+Г

УКРАЇНСЬКА ОРДЕНА "ЗНАК ПОШАНИ" СТУДІЯ

ХРОНІКАЛЬНО - ДОКУМЕНТАЛЬНИХ ФІЛЬМІВ



172920

ТУ-19-241-82



НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ



ПО ПОВЕСТИ Н.В. Гоголя

ЧАСТЬ I



Последний день перед рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Еще ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой.



Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле. Она поднялась так высоко, что одним только черным пятнышком мелькала вверху. Но где ни показывалось пятнышко, там звезды, одна за другою, пропадали на небе.



Скоро ведьма набрала их полный рукав. Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться. По козлиной бороде, по небольшим рожкам и по тому, что весь он был не белее трубочиста, можно было догадаться, что это черт.



Черт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдернул ее назад, как бы обжегшись. Забежал с другой стороны, снова отскочил и отдернул руку. Вдруг схватил обеими руками месяц, кривляясь и дуя, поспешно спрятал в карман и побежал далее.



В Диканьке никто не слышал, как черт украл месяц. Правда, волостной писарь, выходя на четвереньках из шинка, видел, что месяц ни с сего ни с того танцевал на небе, и уверял с божбою в том все село; но миряне качали головами и даже подымали его на смех.



Но какая же была причина решиться черту на такое незаконное дело? А вот какая: богатый козак Чуб приглашен дьяком на кутью. Его дочка, красавица на всем селе, останется дома, а к ней придет, наверное, кузнец, слач и детина хоть куда, которого черт ненавидел за то, что кузнец намалевал его на картине.



И черт решился украсть месяц, в надежде на то, что старый Чуб ленив и не легок на подъем. К дьяку же от избы не так близко: дорога шла по-за селом, и в такую темноту вряд ли бы удалось кому стащить Чуба с печки и вызвать из хаты. А кузнец при нем не отважится идти к дочке.



Ведьма, увидевши себя вдруг в темноте, вскрикнула. Черт, подъехавши мелким бесом, подхватил ее под руку и пустился нашептывать на ухо то самое, что обыкновенно нашептывают всему женскому роду.



— Так ты, кум, еще не был у дьяка в новой хате? — говорил Чуб, выходя из дверей своей избы, сухощавому, высокому мужику. — Там теперь будет добрая попойка! Как бы только нам не опоздать... Что за дьявол! Смотри! смотри, Панас!.. месяца нет!



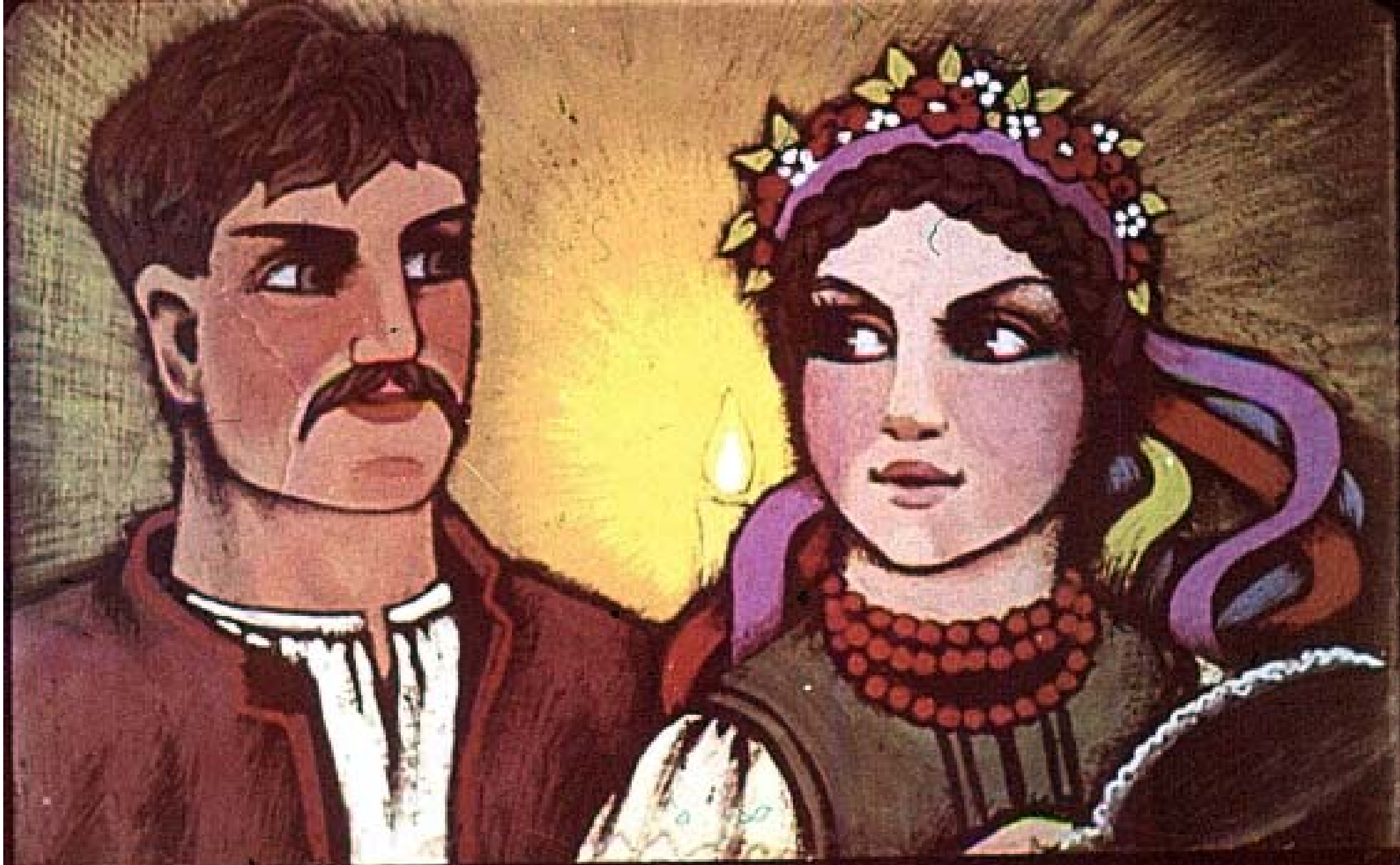
Чуб долго ворчал и бранился, раздумывая, на что бы решиться. Он бы и остался, если бы был один, но обоим не так скучно и страшно идти темною ночью, да и не хотелось-таки показаться перед другими ленивым или трусливым.



Что же делает, оставшись одна, красавица дочка? Оксане не минуло еще и семнадцать лет, как во всем почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту, только и речей было, что про нее. Она была капризна. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, мало-помалу оставляли. Один только кузнец был упрям.



По выходе отца своего она долго еще принаряживалась и жеманилась и не могла налюбоваться собою. „Что людям вздумалось расславлять, будто я хороша? Лгут люди, я совсем не хороша... Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою!“



— Чудная девка! — прошептал вошедший тихо кузнец.
Тут Оксана увидела его, вскрикнула и сурово остановилась
перед ним.



— Зачем ты пришел сюда? Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою?.. Что, сундук мой готов?

— Будет готов, мое серденько. А как будет расписан! Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!



— Кто ж тебе запрещает, говори и гляди! А правда ли, что твоя мать ведьма?

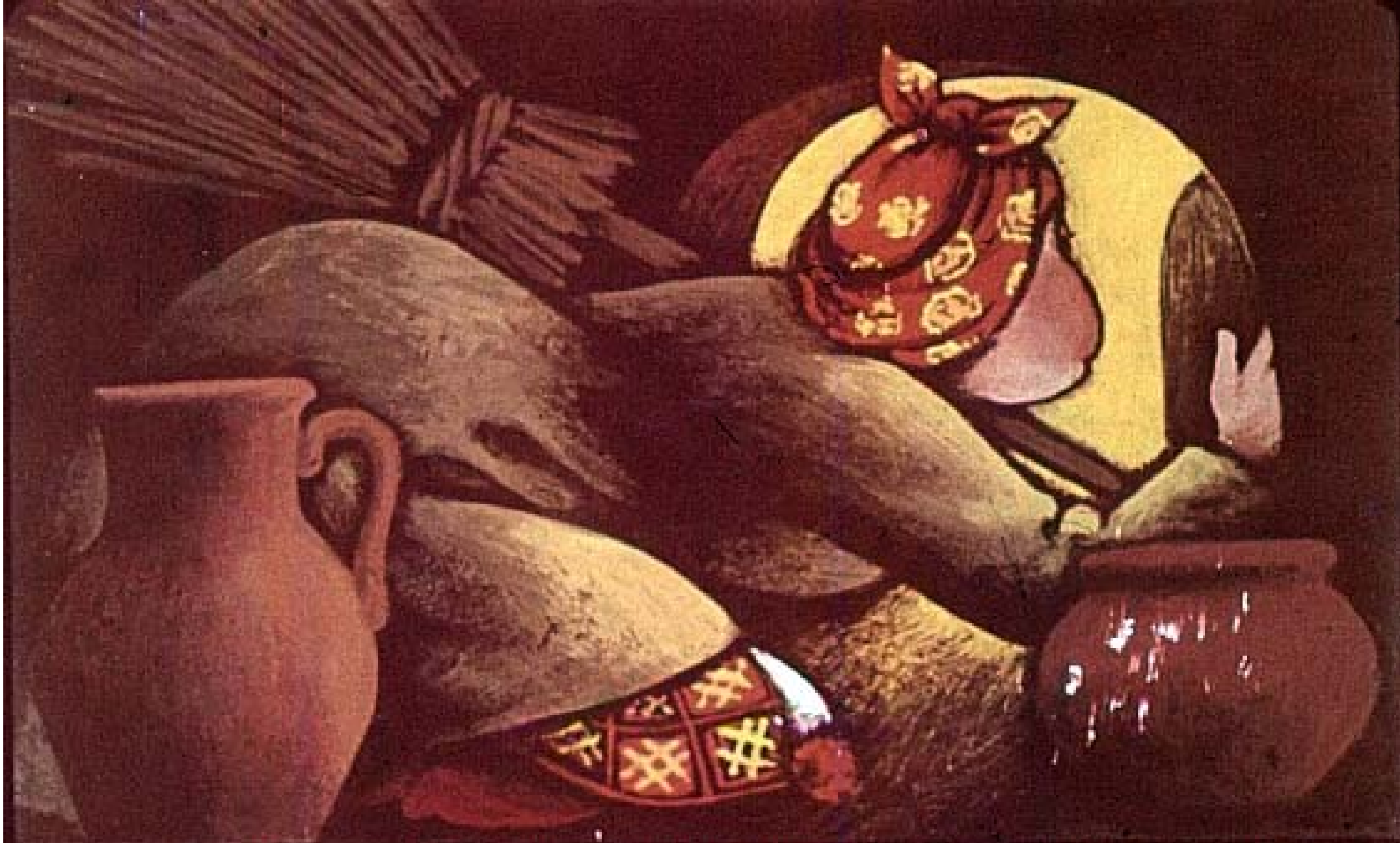
— Что мне до матери? ты у меня мать, и отец, и все, что ни есть дорогого на свете.



„Не любит она меня,“ — думал про себя кузнец.
Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: „Отвори!“ — прервал его размышления.
— Постой, я сам отворю, — сказал кузнец и вышел в сени, в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.



Мороз увеличился, и вверху сделалось холодно. Ведьма спустилась по воздуху, будто по ледяной горе, прямо в трубу. Черт таким же порядком отправился вслед за нею, и оба очутились в просторной печке между горшками.



Путешественница, увидевши, что никого не было в хате, вылезла из печки, скинула теплый кожух, оправилась, и никто бы не мог узнать, что она за минуту назад ездila на метле.



Мать кузнеца Вакулы имела от роду не больше сорока лет. Она была ни хороша, ни дурна собою, но умела причаровать самых степенных козаков. Приветливее всего Солоха была с богатым козаком Чубом. А чтобы сын ее не подъехал к дочери Чуба и не успел прибрать себе богатство, она как можно чаще ссорила Чуба с Вакулой.



Черт влетел в трубу, нечаянно оборотился и увидел Чуба об руку с кумом. Вмиг вылетел он из печки и начал разрывать кучи замерзшего снега. Поднялась метель, а черт снова улетел в трубу, уверенный, что Чуб возвратится, застанет кузнеца и отпотчует его так, что он долго будет не в силах малевать обидные карикатуры.



Едва только поднялась метель, Чуб принялся угощать побранками себя, черта и кума. Путешественники повернули назад, но сквозь метущий снег ничего не было видно.

— Стой, кум! Мы, кажется, не туда идем. Свороти-ка немного в сторону, не найдешь ли дороги; а я тем временем поншу здесь.



Кум набрел прямо на шинок и вошел в него. А Чубу показалось, что он нашел дорогу; видя, что кум не является, он решил идти сам.



Немного пройдя, увидел он свою хату. Хлопая намерзнувшими руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно дочери отпереть.

— Чего тебе тут нужно? — сурово закричал вышедший кузнец.



„Это не моя хата,—подумал Чуб,—в мою хату не забредет кузнец. Не скажу ему, кто я, чего доброго приколотит“—и, переменяв голос, он принялся браниться с Вакулою. Расстроенный Вакула, наградив его несколькими здоровенными толчками, захлопнул дверь.



Чуб остался на улице. Тут он сообразил, что Солоха, верно, одна, раз кузнеца нет дома, и, почесывая спину, отправился в другую сторону, приговаривая: „Больно поколотил проклятый кузнец!“



В то время, когда черт летал из трубы и потом снова в трубу, ладунка, в которую он спрятал украденный месяц, растворилась, и месяц вылетел через трубу Солохиной хаты. Все осветилось. Метели как не бывало. Мороз как бы потеплел.



Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвонели, под редкою хатою не толпились колядующие.



Кучи девушек вломилась в хату Чуба, окружили Оксану.
— Э, Одарка! у тебя новые черевикки! Ах, какие хорошие!
— Не тужи, моя ненаглядная Оксана, — сказал кузнец, — я тебе достану такие черевикки, какие редкая панночка носит.



— Ты? Посмотрю я, где ты достанешь черевки, которые бы я могла надеть на свою ногу. Разве принесешь те самые, которые носит царица... Будьте все вы свидетельницы: если кузнец Вакула принесет те самые черевки, которые носит царица, я выйду за него замуж.



Черт между тем не на шутку развежился у Солохи.



**Но вдруг послышался голос дюжего головы. Солоха побежала
отворить дверь, а проворный черт влез в лежавший мешок.**



Голова, стряхнув с своих капельюх снег и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что не пошел к дьяку из-за метели и намерен провести вечер с Солохой.



Но тут раздался стук и голос дьяка. Солоха спрятала гостя в самый большой мешок из-под угля. Дьяк сообщил, что у него никого нет и он рад случаю погулять у нее.



Но не успел дьяк произнести несколько фраз, как послышался в дверь стук и голос козака Чуба. Солоха высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объемистый телом дьяк влез в него.



—Здравствуй, Солоха!—сказал Чуб. —Может быть, я помешал?.. Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь!.. может быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а?—И Чуб засмеялся, внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностью Солохи.



—Отвори!—раздался на улице голос, сопровождаемый толчком в дверь.

—Это кузнец!—схватился за капелюхи Чуб.—Куда хочешь девай меня!

Солоха, испугавшись сама, металась как угорелая, и, позабывшись, дала Чубу знак лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дьяк.



Кузнец пришел весьма не в духе. Тут постучался козак Свербыгуз, и Солоха вывела его в огород. Кузнец увидел мешки, перевязал их крепче, бодро взвалил себе на плеча и вышел вон из хаты.



КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Українохроніка, Київ-133, Щорса, 18

Госкино УССР

№ 3532 III. 1988 г. Цена 30 коп.

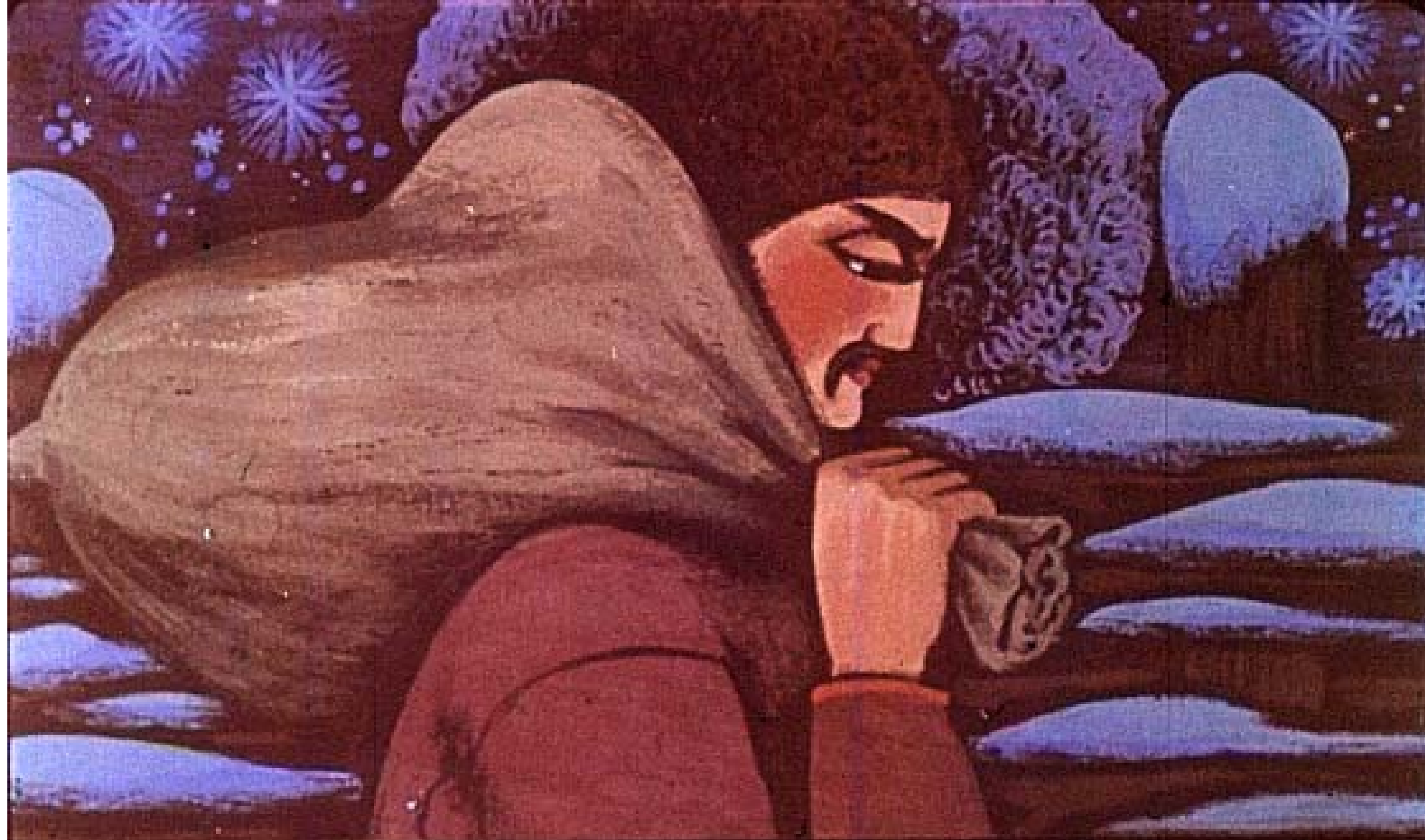
ЧАСТЬ II



Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Кузнец остановился. Ему почудился голос и тоненький смех Оксаны. Бросивши на землю мешки, побрел он с маленьким мешком следом за девичьей толпой.



—А, Вакула, ты тут!— сказала Оксана с усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума...— Ну, много наколядовал? А черевики, которые носит царица, достал? достань черевики, выйду замуж.— И, засмеявшись, убежала с толпою.



Как вкопанный, стоял кузнец на одном месте. „Боже ты мой, отчего она так чертовски хороша? Ее взгляд, и речи, и все, ну вот так и жжет... Нет, невмочь уже пересилить себя! Пора положить конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь, и поминай как звали!“



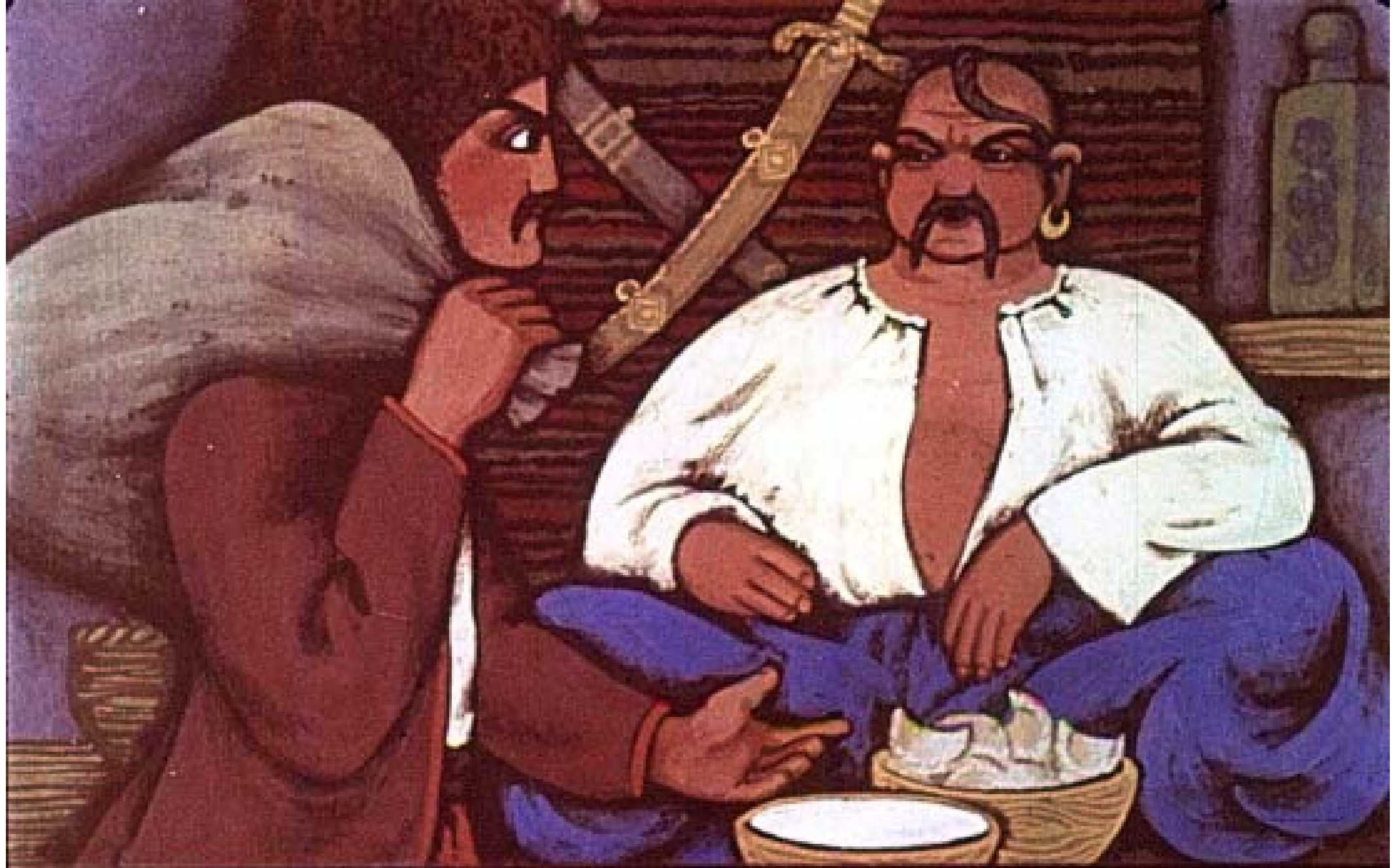
**Догнал он толпу, поравнялся с Оксаною и сказал твердым голосом:
— Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь, а меня не увидишь уже больше на этом свете.**



Пробежавши несколько улиц, Вакула остановился. „Куда я, в самом деле, бегу? Пойду-ка к Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей, и все сделает, что захочет“. Черт при этих словах запрыгал от радости, но кузнец, подумав, что зацепил мешок рукою, ударил по нему дюжим кулаком.



—Я к твоей милости пришел, Пацюк! Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого черта. Сделай милость, Расскажи, как попасть к нему на дорогу.



—Тому не нужно далеко ходить, у кого черт за плечами.
„Что он говорит?“ — подумал Вакула. Тут он заметил, что галушки исчезли и появились две деревянные миски с варениками и сметаной.



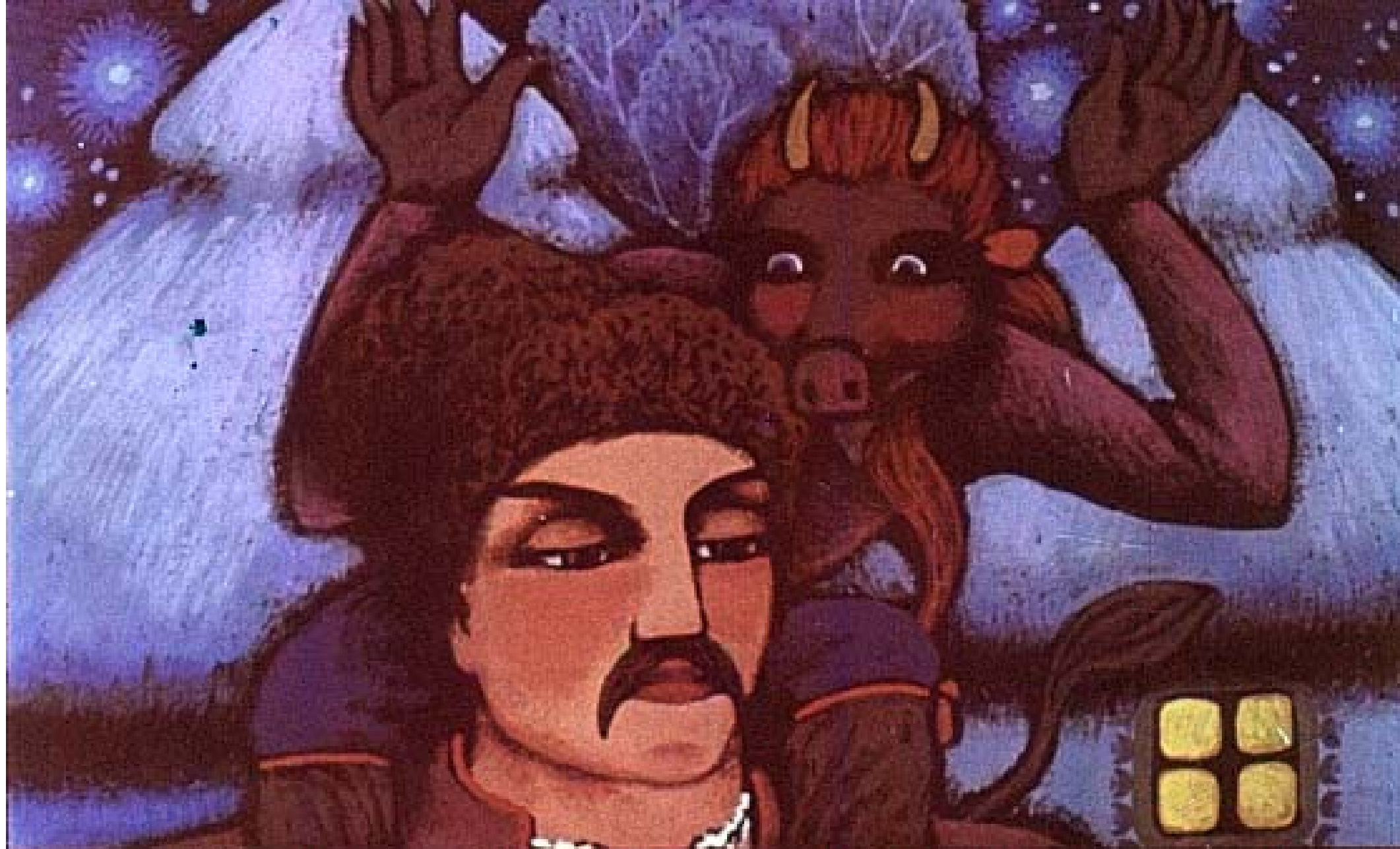
Пацюк разинул рот, поглядел на вареники. Вареник выплеснул из миски, шлепнулся в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. „Что я, в самом деле, за дурак, стою тут и греха набираюсь!“ — подумал кузнец и опрометью выбежал из хаты.



Однако ж черт, сидевший в мешке, не мог вытерпеть, чтобы ушла из рук его такая славная добыча. Как только кузнец опустил мешок, черт выскочил из него и сел верхом ему на шею.



**Мороз подрал по коже кузнеца. А черт сказал:
— Это я — твой друг, все сделаю для товарища и друга! Денег дам
сколько хочешь. Оксана будет сегодня же наша.
Кузнец стоял, размышляя.**



— Изволь, — сказал он наконец, — за такую цену готов быть твоим! Черт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. „Теперь-то я вымещу на тебе, голубчик, все твои малеванья“.



—Я готов подписать контракт,— сказал кузнец.— У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвоздь!— Тут он заложил назад руку и — хватить черта за хвост.



Не выпуская хвоста, кузнец вскочил на черта верхом и поднял руку для крестного знаменья.

— Помилуй, Вакула! Не клади на меня страшного креста!

— Тогда вози меня сейчас же на себе! слышишь, неси, как птица!



Долго стояла Оксана, раздумывая о странных речах кузнеца. Но тут она увидела кузнецовы мешки и предложила подругам утащить их в хату и разглядеть, что в них. Побежали за санками.



Пленникам сильно прискучило сидеть в мешках. Дьяк проткнул дыру в мешке, но вылезть при всех, показать себя на смех... Чуб не менее желал свободы, чувствуя, что под ним лежит что-то такое, на котором сидеть страх было неловко. Но, услышав решение дочери, успокоился.



Тут из шинка вышел кум, расстроенный и не в духе. Шинкарка никаким образом не решалась ему верить в долг. Кум набрел на мешки и решил унести их к себе. Но так как они были тяжелы, уговорил прохожего помочь ему.



Кумова жена почти никогда не сидела дома. Все, что ни напрашивала у добрых людей, прятала подальше от своего мужа и часто отнимала у него добычу.

— Кто там? — закричала кумова жена, услышав шум в сенях.



Кум остолбенел. Опустивши мешок, приятели заступили его собою, но уже было поздно. Когда в ход пошла кочерга, Чуб вылез из мешка. — А что, — сказал он усмехаясь, — славную я выкинул над вами штуку?



Дьяк, увидевши теперь, что ему некуда скрыться, вымарабкался из мешка.

— Вот тебе на! ай да Солоха! — изумился Чуб.

— Теперь я все знаю: у нее в каждом мешке сидело по два человека. А я думал, что она только мне одному...



Девушки немного удивились, не найдя одного мешка, но потом взвалили оставшийся мешок на санки. Мешок втащили в хату Чуба. Тут голова стал икать и кашлять во все горло.

— Ах, тут сидит кто-то! — закричали все и бросились вон из дверей.

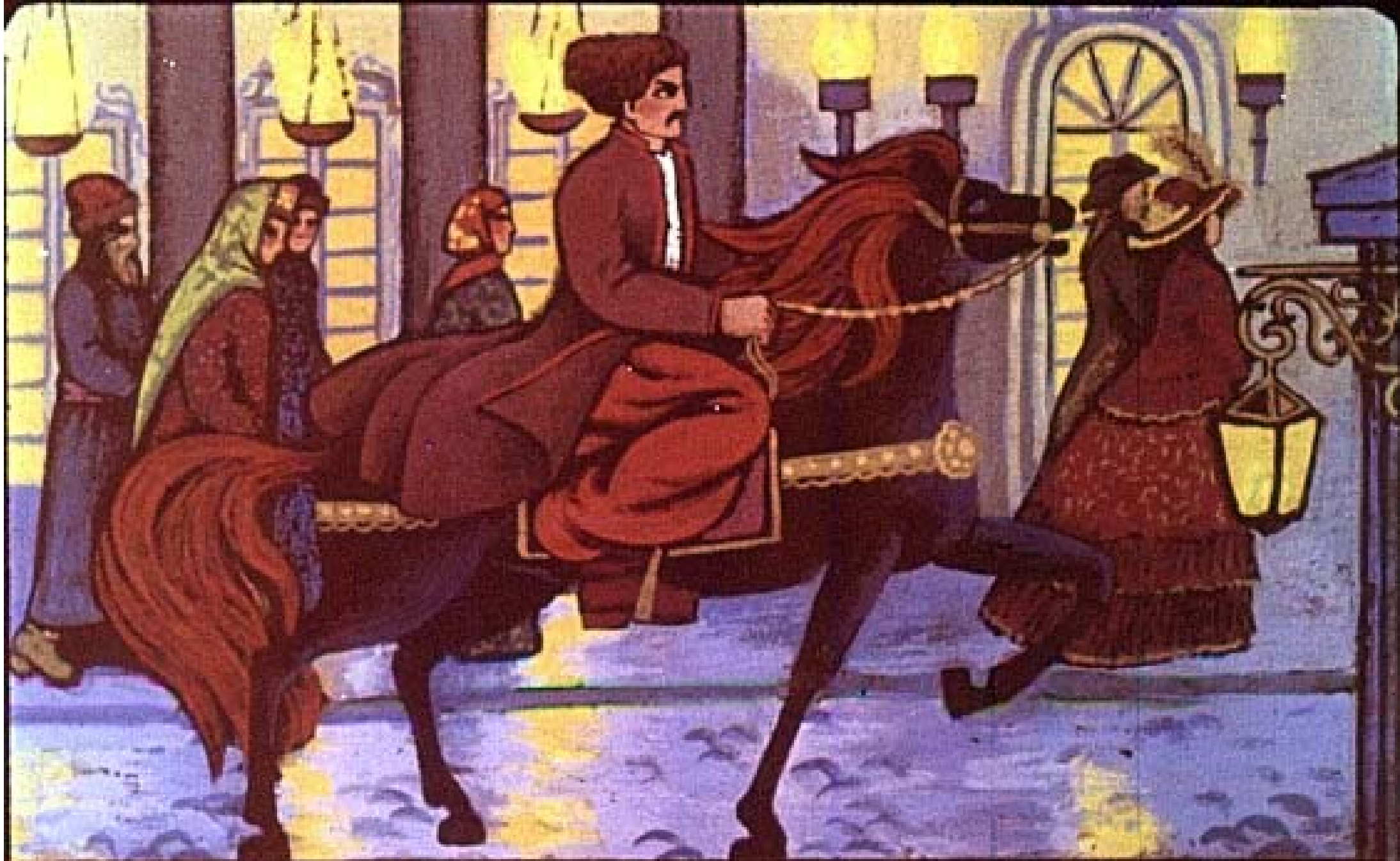


— Что за черт! куда вы мечетесь как угорелые? — сказал, входя, Чуб. Голова был сильно смущен. Потоптавшись, он вышел из хаты.
— Ай да Солоха, чертова баба! А я дурак... — изливал свою досаду

Чуб.



Все было светло в вышине. Можно было заметить, как звезды, собравшись в кучу, играли в жмурки, как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце черт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом.



Кузнец все летел; и вдруг заблестел перед ним Петербург. Черт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы.



— Прямо ли ехать к царице? — спросил черт.

— „Нет, страшно“, — подумал Вакула.

— Эй, сатана, полезай ко мне в карман да веди к запорожцам!

Черт в одну минуту сделался маленьким, влез к нему в карман, и кузнец очутился у запорожцев, которые с бумагами для царицы проезжали через Диканьку.



С помощью черта упросил он их взять его с собой. Кузнец не знал, куда деть свои глаза от множества важных дам и придворных. Но, преодолев свою робость, повалился царице в ноги и попросил ее черевички.



Государыня засмеялась и велела принести ему башмаки самые дорогие, с золотом. Обрадованный кузнец, отошедши назад, нагнулся к карману, сказал тихо: „Выноси меня отсюда скорее!“ — и очутился за шлагбаумом.



— Утонул! еА-богу, утонул! — лепетала толстая ткачиха.
— Повесился! Кузнец повесился! — кричала баба с фиолетовым носом. — Вот чтобы мне воды не захотелось пить, если старая Переперчиха не видела этого собственными глазами!



Оксана смутилась, когда до нее дошли такие вести. Вряд ли и в другом месте где найдется такой молодец, как кузнец! Он же так любил ее! Красавица всю ночь не могла заснуть и к утру влюбилась по уши в кузнеца.



Настало утро. На всех лицах виден был праздник. Одна только Оксана стояла как будто не своя. Слезы дрожали на глазах. Уже отошла заутреня; потом обедня... куда ж это, в самом деле, запропастился кузнец?



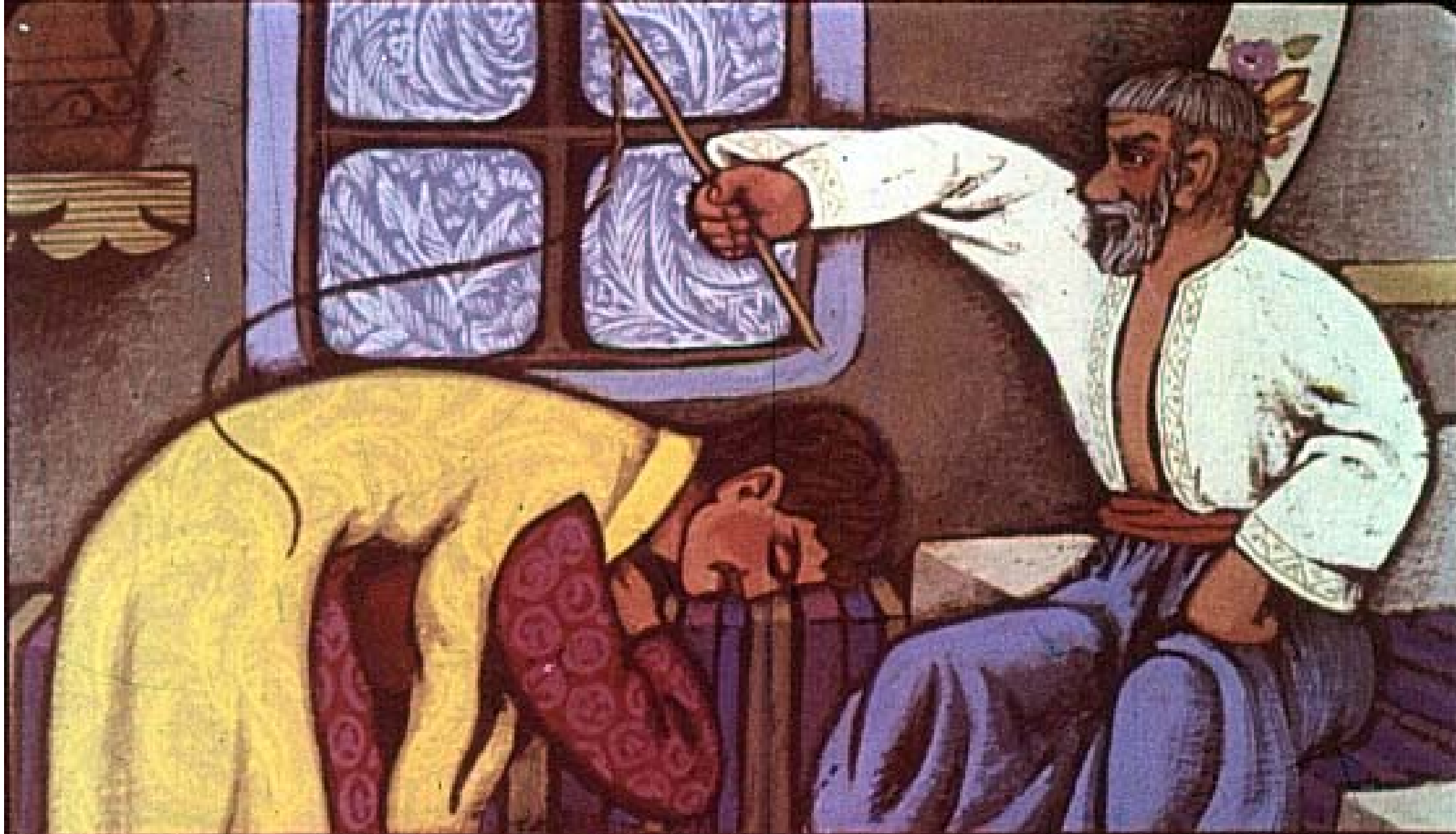
Еще быстрее неся черт с кузнецом назад. И мигом очутился Вакула около своей хаты. Проучив черта хворостиной, Вакула зарылся в сене и проспал до обеда.



Бережно вынул из пазухи башмаки, умылся, оделся как можно лучше, достал из сундука всех цветов пояс; положил все это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.



Чуб выпучил глаза, когда увидел, что кузнец воскрес да еще посмел к нему прийти таким щеголем и запорожцем. Но еще больше удивился он, когда Вакула положил перед ним шапку и пояс, а сам повалился ему в ноги.



— Помилуй, батько! не гневись! вот тебе и нагайка: бей сколько душа пожелает. Только отдай за меня Оксану!

Чуб немного подумал, вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно:

— *Добре!* присылай сватов!



— Ая! — вскрикнула Оксана, переступив через порог.
— Погляди, какне я тебе принес черевники!
— Нет, мне не нужно черевиков! я и без черевиков... Далее она не договорила и покраснела.



Кузнец подошел ближе, взял ее за руку; красавица и очи потупила. Еще никогда не была она так чудно хороша. Восхищенный кузнец тихо поцеловал ее, и лицо ее пуще загорелось...

Українохроніка, Київ-133, Щорса, 18

Госкіно УРСР

№ 3532 III, 1988 г. Цена 30 коп.

КОЧЕШ

РИСОВАЛА
Г. КИСЛЯКОВА